

УДК 32.019.51:327.39

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/17

КАРТИРОВАНИЕ СЛАВЯНСКОГО МИРА В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО*

А.И. Щербинин¹, Н.Г. Щербинина²

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: shai52@mail.ru

²E-mail: sapfir.19@mail.ru

Авторское резюме

Статья продолжает исследование славянского мира как политического конструкта, когда славянская идея рассматривалась Ф.М. Достоевским как центральная в картировании Европы и ведущая сила будущего мира. Методологической базой по-прежнему остается субъективистская трактовка миров воображаемого, особый акцент сделан на уникальной коммуникативной модели «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, беспрецедентный для того времени охват аудитории, стиль, основанный на экстраполяции внутренних переживаний, что позволяет судить об эффективности воздействия на картину мира современников. Авторами рассматривается основа картирования славянского мира Достоевским как противопоставление нарождавшейся «славянской идеи» двум предшествовавшим – «католической» (Франция) и «протестантской» (Германия). Показана эволюция данных идей в условиях современного мира.

Ключевые слова: славянский мир, Россия, Европа, картирование, Достоевский, «Дневник писателя», конструкт.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского», № 18-012-90020.

MAPPING THE SLAVIC WORLD IN *THE DIARY OF A WRITER* BY F.M. DOSTOEVSKY*

A.I. Shcherbinin¹, N.G. Shcherbinina²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: shai52@mail.ru

²E-mail: sapfir.19@mail.ru

Abstract

The article studies the Slavic world as a political construct, when the Slavic idea was considered by FM. Dostoevsky as central to the mapping of Europe and as the leading force of the future world. Basing on the subjectivist interpretation of the worlds of imagination and concepts, the author emphasises Dostoevsky's unique communicative model in his book *The Diary of a Writer*. With its unprecedented audience coverage and style, based on the extrapolation of internal experience, it had a great impact on the worldview of contemporaries. The article deals with the foundation of Dostoevsky's Slavic world mapping as the opposition of the nascent "Slavic idea" to the two preceding ones – the "Catholic" (France) and the "Protestant" (Germany). The author demonstrates the evolution of these ideas in the modern world.

Keywords: Slavic world, Russia, Europa, mapping, Dostoevsky, *The Diary of a Writer*, construct.

Продолжая тему картирования славянского мира, поднятую в предыдущих публикациях (Щербинин, Щербинина 2015; Щербинин, Щербинина 2016), авторы обращаются к наследию Ф.М. Достоевского в канун двухсотлетия его рождения. Творчество писателя, включая публицистику, и его личность оказывали и оказывают существенное влияние на понимание Западом России через духовное измерение. «Дневник писателя», вышедший в 70-е гг. XIX в., занимает в этом контексте особое место в судьбе и творчестве Достоевского: «И вот я взял да и высказал последнее слово моих убеждений – мечтаний насчет роли и назначения России среди человечества и выразил мысль, что это не только случится в ближайшем будущем, но уже и начинает сбываться» (Достоевский 1996: 527).

* The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project Nr. 18-012-90020 "Geopolitical Map and World View of F.M. Dostoevsky".

Чтобы понять, какое влияние имел «Дневник писателя» на современное ему общество, воспользуемся сравнением его с информацией в Интернете, к которому прибегнул Игорь Волгин, сославшийся на статьи Д. Быкова и Л. Андрулайтиса, опубликованные в журнале «Октябрь» в 2002 и 2005 гг. (Волгин 2011а: 7). Действительно, по содержанию, своеобразной коммуникации, производимому им резонансу в различных слоях общества, а главное – по глубоко искренней авторской позиции в отношении проблем внутреннего мира личности и мира внешнего сходство «Дневника» с блоггом поражает. Особо интересна форма коммуникации: исследователи уже указывали на принципиальные отличия «дневниковой прозы» Достоевского: «Ежемесячник Достоевского, вся редакция которого состояла из одного человека, мог успешно конкурировать с крупнейшими современными изданиями, каждое из которых обладало собственным редакционным аппаратом, штатом сотрудников и значительным контингентом авторов» (Волгин 2011b: 20).

Подписчики (и покупатели) «Дневника писателя» исчислялись тысячами (и среди них те, кто состоял в переписке с автором, – одобрял или негодовал, присылал материал для очередного сюжета): «Поток писем, хлынувший в адрес автора-издателя, отразил практически весь спектр российского образованного общества. Достоевскому писали студенты и священники, учителя и чиновники, идеалисты и циники, правдолюбцы и потенциальные самоубийцы» (Волгин 2011а: 7). Но «Сеть» кратно увеличивалась за счет обсуждений, реакции корифеев русской литературы и литературной критики, политических публицистов и идеологов различных направлений, которыми, не в пример нынешнему времени, была богата тогдашняя Россия.

Конечно, во многом причиной популярности стали не одни лишь обсуждения актуальных проблем, стойкая нравственная / идейная позиция по ключевым вопросам, зачастую шедшая вразрез с официальным (ортодоксальным) мнением, а равно и с мнением авторитетных и уважаемых «властителей дум». Проекцию внутреннего мира на духовный и социально-политический ландшафт 70–80-х гг. XIX в., а точнее, картину этого мира, предлагаемую Достоевским читателям, отличают не только сочность красок реальности, но и поистине провидческая сила писателя в отношении будущего России и мира. При этом писатель выступал не регистратором или прозектором прошлого и настоящего, он активно продвигал свое видение будущего с его издержками и выгодами.

В данной статье мы обращаемся к проблеме, которую не обошел практически ни один крупный исследователь, но которую, к сожалению, в целом не сочли достойной пристального внимания, приняв ее, вероятно, за достаточно тривиальную для публицистики той поры или неактуальную ныне. Речь идет о позиции Достоевского в отно-

шении славян и России, «восточного вопроса» и балканских войн. «Достоевский держит в поле своего зрения весь универсум. Но если, скажем, подробное рассмотрение перипетий тогдашней европейской политики представляется сегодня не столь актуальным, а те или иные пророчества о ближайшем будущем Европы, о судьбах католичества и т. д. выглядят достаточно эфемерными (хотя и здесь явлены поразительные угадки), то, пожалуй, ни одно из авторских размышлений, касающихся России, не утратило своей остроты и злободневности. Мы имеем в виду даже не столько вечно повторяющиеся парадоксы российской действительности (хотя их ментальное постоянство не может не изумить читателя), сколько постижение Достоевским того нравственного механизма, который во многом определяет повороты отечественной истории» (Волгин 2011b: 8–9).

Подходя с точки зрения политической науки, мы предлагаем посмотреть на данную проблему с иной стороны. Для этого сделаем отступление, чтобы показать экстраординарное (и в силу этого политическое) положение русского писателя в XIX в., а в нашем случае – выдающегося писателя, находящегося в диалоге с обществом. Б.А. Прокудин, посвятивший ряд своих исследований политическому значению литератора в России, отметил следующее: «Начиная с 1840-х гг., литература была основным способом политического участия граждан в жизни общества. Вторым способом была публицистика и литературная критика. Третьим – философия. ...Кроме военной или государственной службы, других форм гражданской жизни в России с этого времени не предусматривалось, и здесь пришла литература. Она наполнила все пространство социальной пустоты, как дым наполняет пустоту комнаты. Литература стала воспитывать гражданственность больше, чем любые политические тексты. Чем все другое. Литература, критика и философия стали единственными прибежищами общественной мысли, ареной общественной борьбы и, в конце концов, способом изменения жизни к лучшему. Литература создавала образ героя и врага, литература звала вперед, литература определяла нашу социальную и политическую жизнь» (Прокудин 2018: 225).

Неслучайно, что в канун и в ходе Русско-турецкой войны, 140-летие окончания которой отмечается в этом году, славянский вопрос, всколыхнувший практически все слои общества, становится центрообразующим для понимания миропорядка Достоевским, что и нашло отражение в «Дневнике писателя». Символически (и метафорически) «картирование» славянского мира задано у Достоевского наличием в Европе трех мировых идей, последовательно приходящих на смену одна другой. Они отрицают друг друга, но на момент написания «Дневника» сосуществуют в духовном, экономическом и идейно-полити-

ческом конфликтах вокруг выбора истинного пути человечеством. Это идеи католицизма, протестантизма и славянства. Географически три мировые идеи привязаны к трем центрам: Франции, Германии и России (как оплоту славянского мира).

Католицизм (Франции) для Достоевского не только (и не столько) религия (на чем делает акцент И. Волгин), сколько, если можно так выразиться, политика, идущая от Древнего Рима с его «насильственным единением человечества», прошедшая внутри себя периоды кровавых трансформаций, но не утратившая сути и последовательно воплощавшаяся в атеизме, социализме и коммунитаризме (в данном случае речь идет о Парижской коммуне).

Протестантизм генетически выводится писателем из непрекращающейся борьбы с первой идеей – от германских племен против Рима, через претендующую на мировое господство идею Лютера, до прославления торжества германской мысли и германского духа.

Третья идея – славянская. Отметим, что здесь Достоевский ее не расшифровывает, только, противопоставляя, пишет, что у нас есть «две страшных силы, стоящие всех остальных во всем мире, – это всецелость и духовная нераздельность миллионов народа нашего и тесное единение его с монархом» (Достоевский 2011а: 12). Столкновение этих идей означает, по Достоевскому, «начало конца всей прежней истории европейского человечества, – начало разрешения дальнейших судеб его...» (Достоевский 2011а: 12).

Зададимся вопросом: насколько прав был писатель в определении точек напряжения мировой истории, насколько долговременными являются предсказанные им векторы развития? Выше уже отмечалась точка зрения на якобы имеющую место неактуальность перипетий европейской политики для исследований творчества Достоевского, но думается, что это далеко не так. Начнем с того, что война России и Турции на Балканах, война за свободу славянских народов, действительно положила начало новейшей истории через военный конфликт Болгарии и Сербии, а затем и Первую мировую войну, поводом для которой послужил, как известно, инцидент в Сараево. Война, приведшая, в свою очередь, к крушению трех европейских монархий, а впоследствии и Османской империи, к кардинальной перекройке всего европейского ландшафта, оставила «жало» конфликта в претензии соперничающих идей на мировое господство.

В дальнейшем мы можем обнаружить, как три мировые идеи (в раскладе Достоевского) мутировали в центры противостояния и претензий на мировое господство: либерально-атлантический во главе с Францией и Великобританией, протестантско-реваншистский нацистской Германии и советский (мессианизм как составная часть «замещенной» всеславянской

идеи). В настоящий момент, связанный с ослаблением морально-политических связей с США, мы видим, как происходят попытки вытеснения с доминирующих позиций либеральной концепции Европы, лидером которой стала Германия А. Меркель (Достоевский в своей работе задумывался над тем, что когда Германия достигнет своего идеала, не придет ли конец ей самой). Обратим внимание на то, что Германия сегодня несет уже не «протестантизм», а навязывание содержания первой идеи – того самого «католицизма» с «насильственным единением человечества» и в этой борьбе утратила лидерство, чем пытается воспользоваться Франция Э. Макрона. Третий центр не растерял своего мессианского предназначения. Напротив, Россия Путина для Европы – добавим, «Большой Европы» – олицетворяет не исключительно военную или политическую, но, в первую очередь, идейную угрозу. Поэтому столь пристальное внимание уделялось и уделяется странам Восточной Европы (в т. ч. «славянскому вопросу») и республикам бывшего СССР. Конечно, в данном противостоянии мы не должны сбрасывать со счетов Америку, но для чистоты исследования и в силу упомянутой выше нестабильной стратегии нынешних США ограничимся европейской проблематикой.

Возвращаясь к картированию в «Дневнике», заметим, что славянство как мировая идея должно быть привязано к определенному месту, в нашем случае – не только на географической, но и на ментальной карте-конструкте (писателя и читателей). Судя по текстам публикаций в «Дневнике», Достоевский ограничивал славянский мир Балканами. В это понятие не включались славянские земли, входившие в Австро-Венгерскую империю, не входила и Польша, к которой у Достоевского было устойчиво негативное отношение. Поскольку на тот момент славянство еще было конструктом, основанным на идее единения в ходе и результате освобождения Балкан от османского ига, освобождение его напрямую связывалось с Россией, бесспорно, полагавшейся не столько центром, сколько основой (духовной, военно-политической) и донором славянского мира. Со своей стороны, освобождаемый и рождавшийся на Балканах славянский мир мыслился триггером, способным запустить процесс духовного очищения и обновления самой России. Отсюда и выявление положительных сторон Русско-турецкой войны: подъем морального духа, патриотизм, единение нации во всех слоях, укрепление связей с монархом. Стоит сделать хронологическое отступление и показать, как совсем в иную эпоху сводный батальон российских десантников занял аэропорт «Слатина», не допустив проведения сухопутной натовской операции против союзной Югославии, и как это локальное действие повлияло на моральный дух россиян в конце 1990-х гг.

Однако визуально и по замыслу вряд ли огромная Россия смогла

бы сойти за политический центр. И в марте 1877 г. Достоевский вновь возвращается к мысли, которая кажется ему самому утопической, – о Константинополе-Царьграде. В развернутом виде эта идея была высказана в июне 1876 г. и включала в себя вопрос об альтернативе петербургскому сценарию эпохи Петра Великого. Если на тот момент у Петра, по Достоевскому, не было сил справиться с султаном, к тому же многовековой царедворский опыт греков привел бы к насаждаемой азиатчине вместо немецких порядков, а может быть, и расколу православия на «царьградское» и «старорусское», то к весне 1877 г. рассмотрение данной альтернативы стало, на взгляд писателя, вполне уместным. Для чего? Для увенчания российского великана достойной столицей, а скорее, для укрепления православия как основы государственности в России. Ясно, что виды на Константинов град имели и греки («греческая» составляющая, которую приводил как пример национальной алчности Достоевский, уже стала основой распри Вселенского патриарха и Болгарской церкви), Россия же в этом конфликте не могла стать на чью-либо сторону. В Европе возникали идеи сделать Константинополь «международным городом», что совсем обесценило бы геополитическое значение России и, напротив, усилило Запад, прежде всего Англию (Достоевский 2011а: 77–80).

Чтобы ограничить проблему, обратим внимание на то, что в отношении «карты славянского мира» налицо не только конструктивизм Достоевского, но и показательная деконструкция славянского мира (славянской идеи) как текста. Только что мы упомянули о деконструкции идеи Константинополя-центра. Достоевский, пишущий об очищающем характере войны, о призвании русского народа спасать братьев-славян, вдруг останавливается: постойте, картина в болгарских селах, куда вошло наше войско, совсем не та, которую рисовала пресса и поддерживала общественность. На одну мечеть – две православные церкви, дома беленые, сады ухоженные. Начинают солдаты сравнивать с Отечеством – кого спасать надо?

Не в меньшей степени освежающе действует рассуждение писателя об освобождаемых славянах, когда в ход у Достоевского идут уменьшительные «новоосвобожденные славянские народцы», «славянские земли и землицы». Даже само название публикации «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать» маркирует не столь «частность» или «мелочность» вопроса, сколь профанирование «славянской идеи», а больше – досадную механику ее воплощения. Но дело даже не столько в масштабах на мыслимой карте, сколько в идейно-политическом значении, не утратившем актуальности и поныне. «Не будет у России и никогда еще не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как

все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!.. Начнут они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их... в защиту от России...» (Достоевский 2011b: 361). Далее, по мнению автора «Дневника», «мало того, даже о турках станут говорить с большим уважением, чем о России... они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее» (Достоевский 2011b: 362). Достоевский предполагает – это подтверждается национальными практиками и поныне, – что «особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации» (Достоевский 2011b: 362). Наконец, о чем поминалось нами ранее, что ринувшиеся в Европу славяне заразятся европейскими политическими формами, забыв о «своем особом славянском призвании». Мало того, «между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать». России же «надолго останется тоска и забота мирить их» (Достоевский 2011b: 363), но это обратная сторона ее как основы славянского мира. Надо ли говорить отдельно о том, сколько раз подтверждалось прозрение Достоевского, да и не только в отношении славян.

Возвращаясь к дару писателя видеть узел противоречий, способных повлиять на расстановку сил (и идей) в мире в долгосрочной перспективе, стоит отдать дань оценке его позиции Вселенского патриарха. Сам Достоевский оценивал свои рассуждения как «некое пророчество»: «Столь недавняя у них греко-болгарская церковная распря, под видом церковной, была, конечно, лишь национальной, а для будущего как бы неким пророчеством. Вселенский патриарх, порицая послушание болгар и отлучая их и самовольно избранного ими экзарха от церкви, выставлял на вид, что в деле веры нельзя жертвовать уставами церкви и послушанием церковным "новому и пагубному принципу национальности". Между тем сам же он, будучи греком и произнося это отлучение болгарам, без сомнения, служил тому же самому принципу национальности, но только в пользу греков против славян» (Достоевский 2011c: 87). В этом контексте поставившая на грань раскола православную церковь в 2018 г. позиция Константинопольского патриарха по вопросу об Украинском патриархате показывает такие же очевидные политические основания и эгоизм, что и сто сорок лет назад, небрежение задачей поддержки статус-кво

православного мира – это тот же самый «тленный запах», с ощущения которого Достоевский начинает статью «Самые подходящие в настоящее время мысли». И это вновь меняющийся облик мира, его «новая карта», контуры которой намечены в тексте «Дневника писателя».

Ф.М. Достоевский пишет свой текст, понимаемый семиотически как знаковая реальность, и сам же «читает» его, подчеркивая смысловую наполненность знакового ряда. Но это еще не все: он одновременно и комментирует значение прочитанного, и тем самым переосмысливает текст, т. е. подвергает деконструкции. Критический мотив деконструкции «текста славянского мира» проявляется в нахождении смысловых противоречий, которых как бы нет в наличии, но они присутствуют в виде «следов», по терминологии Ж. Дерриды. В данной связи Н. Автономова подчеркивает, определяя деконструкцию, в предисловии к книге Деррида, что «в целом деконструкция – это разборка концептуальных оппозиций, поиск «апорий», моментов напряженности между логикой и риторикой, между тем, что текст «хочет сказать», и тем, что он принужден означать» (Автономова 2000: 71). Само нахождение противоречия ведет к снятию его знаковой неразрешимости и новому познанию смысла. Как бы на полях своего текста или в примечании Достоевский приходит к иному заключению, что дело спасения и освобождения славян, о коем манифестирует официальный медийный конструкт (к которому Достоевский и отсылает читателя), по сути, не нужно славянам, которые станут непременно игнорировать и сам факт, а равно и роль спасителей. Здесь Достоевский выступает уже как критически настроенный «читатель» самого себя. Т. е. в идее о символической роли старого Константинополя-центра Россия не сможет наличествовать в качестве центра бытия славянского мира.

Завершая статью, сошлемся на позицию Д.В. Гришина, назвавшего «Дневник писателя» «заключительным словом в развитии творчества», «последним словом убеждений», по словам самого Достоевского, где он нашел возможность высказывать свое отношение к миру, не скрывая его за текстом художественного произведения, за словами и мыслями его героев (Гришин 1971 : 19).

Драматургия «Дневника» позволила писателю делиться напрямую своими мечтами, сомнениями, включать современников в собственную картину мира, важным элементом которой было призвание России, в т. ч. в отношении нарождающегося на карте Европы славянского мира. Говоря об актуальности произведения, полагаем, что в канун двухсотлетия со дня рождения писателя сто́ит и политикам, и читателям обратить внимание на великие моменты в истории страны и народа, а равно и на идейные, политические и геополитические «грабли», на которые мы продолжаем наступать.

ЛИТЕРАТУРА

Автономова 2000 – Автономова Н. Деррида о грамматологии // Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. С. 7–110.

Волгин 2011а – Волгин И. Воссозданный Достоевский: текст как текст // Тарасова Н.А. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского (1876–1877): Критика текста. М.: Квадрига; МБА, 2011. С. 5–17.

Волгин 2011б – Волгин И.Л. Поверх барьеров // Достоевский Ф.М. Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб 36,6, 2011. Т. 1. С. 5–42.

Гришин 1971 – Гришин Д.В. Достоевский – человек, писатель и мифы. Достоевский и его «Дневник писателя». Мельбурн: Мельбурнский университет, 1971. 369 с.

Достоевский 1996 – Достоевский Ф.М. 179. Вс.С. Соловьеву. 16 (28) июля 1876. Эмс // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1996. Т. 15. С. 526–527.

Достоевский 2011а – Достоевский Ф.М. Еще раз о том, что Константинополь рано или поздно должен быть наш // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб 36,6, 2011. Т. 2. С. 77–80.

Достоевский 2011б – Достоевский Ф.М. Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб 36,6, 2011. Т. 2. С. 360–365.

Достоевский 2011с – Достоевский Ф.М. Самые подходящие в настоящее время мысли // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб 36,6, 2011. Т. 2. С. 83–88.

Достоевский 2011д – Достоевский Ф.М. Три идеи // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб 36,6, 2011. Т. 2. С. 7–12.

Прокудин 2018 – Прокудин Б.А. Феминистская повестка первого русского политического романа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 224–237.

Щербинин, Щербинина 2015 – Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Славянский мир как политический конструкт // Русин. 2015. № 4 (42). С. 37–52.

Щербинин, Щербинина 2016 – Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Картирование» славянского мира как воображаемый конструкт // Русин. 2016. № 4 (46). С. 56–72.

REFERENCES

Avtonomova, N. (2000) Derrida o grammatologii [Derrida on grammarology]. In: Derrida, J. *O grammatologii* [On Grammarology]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem. pp. 7–110.

Volgin, I.L. (2011a) Vossozdannyy Dostoevskiy: tekst kak tekst [Recreated Dostoevsky: text as text]. In: Tarasova, N.A. “Dnevnik pisatelya” F.M. Dostoyevsk-

ogo (1876–1877): *Kritika teksta* [“The Diary of a Writer” by F.M. Dostoevsky (1876–1877): Criticism of the Text]. Moscow: Kvadriga; MBA. pp. 5–17.

Volgin, I.L. (2011b) *Poverkh bar'yerov* [Over the barriers]. In: Dostoevskiy, F.M. *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [The Diary of A Writer. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Knizhnyy klub 36,6. pp. 5–42.

Grishin, D.V. (1971) *Dostoevskiy – chelovek, pisatel' i mify. Dostoyevskiy i ego “Dnevnik pisatelya”* [Dostoevsky as a man, a writer and myths. Dostoevsky and his “The Diary of a Writer”]. Melburn: Melburn University.

Dostoevsky, F.M. (1996) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works in 15 vols]. Vol. 15. Leningrad: Nauka. pp. 526–527.

Dostoevskiy, F.M. (2011a) *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [The Diary of A Writer. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Knizhnyy klub 36,6. pp. 77–80.

Dostoevskiy, F.M. (2011b) *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [The Diary of A Writer. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Knizhnyy klub 36,6. pp. 360–365.

Dostoevskiy, F.M. (2011c) *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [The Diary of A Writer. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Knizhnyy klub 36,6. pp. 83–88.

Dostoevskiy, F.M. (2011d) *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [The Diary of A Writer. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Knizhnyy klub 36,6. pp. 7–12.

Prokudin, B.A. (2018) The feminist agenda of the first Russian political novel. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 44. pp. 224–237 (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/22

Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2015) The Slavic world as a political construct. *Rusin*. 4 (42). pp. 37–52 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/4

Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2016) “Kartirovanie” slavyanskogo mira kak voobrazhaemyy konstrukt [Mapping Slavdom as an Imaginary Construct]. *Rusin*. 4 (46). pp. 56–72. DOI: 10.17223/18572685/46/5

Щербинин Алексей Игнатьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Томского государственного университета (Россия).

Aleksey I. Shcherbinin – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shai52@mai1.ru

Щербинина Нина Гарьевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Томского государственного университета (Россия).

Nina G. Shcherbinina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sapfir.19@mai1.ru